

Эдмон Арокур

Перевод с французского Владимира Ослона

Открытие доктора Огерана

I. - Открытие доктора Огерана

Эта история началась давно. Если о ней вспоминали, то со смехом, да и то лишь в научных кругах, где ещё попадались иногда желающие пошутить на этот предмет. Что касается газет, то они к ней не возвращались, считая её исчерпанной и утратившей интерес. Безразличие прессы передалось и публике, которая прежде делилась на страстных сторонников и не менее страстных противников профессора Патриса Огерана, но перестала видеть в его открытии что-либо, кроме полузабытого сенсационного блефа.

Действительно, прошло уже девятнадцать лет со времени нашумевшего объявления в 1922 году об эликсире долгожительства, якобы найденном доктором Огераном. За эти годы эликсир никого не обессмертил, а самому изобретателю принес одни неприятности и насмешки. Все сожалели, что человек такого полёта, поддавшись искушению лёгкой рекламы, нанёс столь непоправимый ущерб своей репутации и карьере этой фантазией, недостойной его личности, характера и прежних заслуг. Высокое положение в науке, значительное состояние, утонченные понятия должны были, казалось бы, предохранить его от авантюры, на какие толкает людей нужда в деньгах или жажда дешёвой популярности. Но что греха таить? И самые серьёзные люди подвержены слабостям. Господин Огеран заплатил за свою, и заплатил дорого. Недолгая шумная слава сменилась всеобщим пренебрежением. Осмеиваемый, а иногда и освистываемый, он был вынужден покинуть одну за другой занимаемые должности – сначала кресло декана, а затем и кафедру гистологии. Примерно тогда же он отказался от практики, или пациенты отказались от него. За последующие восемнадцать лет он ни разу не появился ни в Академии медицины, ни в Институте.

— Он объявил бойкот, - говорили одни.

— Ему стыдно, - говорили другие.

И все говорили: «Сам виноват».

Что бы ни владело пожилым мэтром – высокомерие или обида, уныние или злопамятство, – но он, бездетный холостяк, вёл одинокий и несколько загадочный образ жизни в своём большом поместье в Нёйи. Из родственников у него была только дальняя родня в провинции, а из друзей оставался один молчаливый Тисмонар, с которым он редко расста-

вался. Никто не входил к нему в дом, кроме доставщиков и штата слуг, в меру многочисленного, но необычного – его составляли одни китайцы. Причиной этого странного обстоятельства были, без сомнения, затруднения в поиске сносной прислуги во Франции. Но ведь через агентство по трудоустройству можно было найти китайцев, которые, по крайней мере, говорили бы по-французски. Он, однако, нанимал только жителей Поднебесной, не знакомых ни с одним европейским языком. Поговаривали даже, что он их выписывал непосредственно из Манчжурии или Кореи, а один бывший профессор из Кантона служил ему одновременно переводчиком и распорядителем. При этом весь персонал мало появлялся на публике и ещё меньше болтал.

Было, впрочем, известно, что профессор возвёл в парке, окружающем большой дом, три строения. Одно, небольшое, но похожее на крепость или тюрьму, снабжённое оконными решётками и железными дверями, называлось лабораторией. Во втором был устроен настоящий зверинец, где содержались различные животные, в основном млекопитающие. В третьем, просторном, светлом, очень чистом корпусе, оборудованном как больница с двором и садом, помещался санаторий, где на полном бесплатном обеспечении жили престарелые бедняки. Их было примерно тридцать, и следует справедливости ради отметить, что эти пациенты получали, видимо, уход действительно высокого уровня, поскольку за восемнадцать лет министерским чиновникам ни разу не случилось посетить приют для констатации смерти. При этом многократные отчёты санитарных инспекторов единогласно подтверждали безупречное состояние заведения и его обитателей.

— Что же там всё-таки происходит? – подозрительно вопрошали те из собратьев профессора, чья ревность не прошла с годами.

Быки, бараны и олени паслись на лужайках парка. Соседи-недоброжелатели жаловались на рычание зверей летними ночами и кваканье лягушек.

— Он сошёл с ума с тех пор, как оскандалился!

— По крайней мере, помешался на одной теме...

— Это безобразие, что в наш век безумцу дозволяется распылять такие деньги на питание и обслуживание стариков и зверей, в то время как миллионы сограждан с трудом сводят концы с концами.

— Ещё полвека назад бедные умирали от голода и холода. Теперь, слава богу, у них есть право на кров и пищу.

— Так-то оно так, но некоторых богачей не мешало бы приструнить.

Подобного рода иронические и даже недружелюбные, но в целом безобидные высказывания определяли обстановку вокруг доктора Огерана, когда 14 июля 1941 года, в годовщину некогда знаменитого, но редко вспоминаемого ныне события, в одной вечерней газете появилась заметка в двадцать строк, привлёкшая внимание и снова разбудившая интерес публики. Журналист писал: «О великий господин Случай! Сегодня утром он преподнёс нам сюрприз в виде необычной свадьбы, которую мы собственными глазами наблюдали в Доме профсоюзов двадцать седьмого округа на бульваре Нёйи. Законным браком сочетались два питомца пансиона известного доктора Огерана: супруг, за плечами ко-

того осталось не менее семидесяти одной осени, и его новоиспечённая супруга, признавая, что прожила почти столько же вёсен. При этом дама своей бойкостью, пышностью и прекрасным цветом лица напоминала персонажи с картин скорее Йорданса, чем Веласкеса, и выглядела молодой актрисой, неумело разыгрывающей роль зрелой матроны. После произнесения брачных обетов семидесятилетний жених, одетый в модный пиджак в тон сиреневому галстуку, проворным движением подхватил под руку шестидесятилетнюю невесту и пара направилась к двери пружинистой походкой, как ходят двадцатилетние влюблённые. Была ли у них на уме клубничка? Очень на то похоже, если судить по их уверенному, почти торжествующему виду. Небольшая толпа у выхода приветствовала их одобрительными улыбками и даже аплодисментами. В этот момент рядом с молодожёнами возникла фигура профессора Огерана, который выступал, как выяснилось, свидетелем невесты. Уж не из его ли пробирок и колб вышла эта пара? Если так, то это серьёзная реклама эликсиру жизни!..»

Последняя фраза этого репортажа, которую мы не решаемся здесь воспроизвести, содержала рискованную игру слов с намёком на обстоятельства, о которых пресса и публика сороковых годов ещё считали возможным шутить.

Этого было достаточно. Утром 15 июля репортёры нагрянули на виллу Огерана, требуя интервью с профессором или его сотрудниками. Привратник-китаец приветствовал их речами, напоминавшими пение птиц, но достаточно прозрачными, при всей своей музыкальности и неудобопонятности, чтобы преградить вход в дом. Господа журналисты настаивали, но тщетно. Им оставалось лишь в самой расплывчатой форме описывать видимые снаружи строения, и сама эта расплывчатость привнесла налёт тайны в предмет описания. Всю вторую половину дня над парком кружились самолёты в попытке добыть хоть какие-то детали научного или бытового характера. По крайней мере на два-три дня доктор опять приобрёл загадочность, а его дело привлекло интерес публики. Его искали, но он остался недоступен. Вечерние репортёры, как и утренние, слышали лишь то, что звучало для их ушей как воробьиное чириканье, слетавшее с китайских уст. Оставшись без вариантов, они прибегли к воображению. Одному из репортёров изменило чувство меры: он живописал множество деталей, которые якобы рассмотрел, пролетая на самолёте мимо открытого окна молодожёнов. Другой опроверг его сведения, приводя диаметрально противоположные, но ещё более сенсационные подробности. Возникла полемика. Нужно было любой ценой докопаться до фактов, так как публичное мнение требовало правды. И оно её получило.

Правда исходила из уст верного Тисмонара, которого по наитию посетил один из журналистов. Конфидент профессора дал подробный ответ:

— Нет никаких причин умалчивать то, что я вам сейчас расскажу. Тот факт, что мой прославленный друг так долго хранил молчание, объясняется вовсе не затаённой обидой или уязвлённой гордостью. Он никогда не жаловался и никого не обвинял. Над его открытием посмеялись, но он не воспринимает это как оскорбление. Напротив, он считает, что это было правом, почти долгом публики, поскольку польза, которую обещал человечеству

его эликсир, слишком значительна, чтобы оно не проявило элементарной осторожности в форме здорового скепсиса. Я, впрочем, не скажу вам ничего нового, ибо к тому, что было объявлено в 1922 году, нечего добавить. Открытие Огерана было самодостаточно и бесспорно, и в тот момент оно уже насчитывало десять лет. Но десять лет, добавленных к жизни одного или нескольких индивидуумов, не доказывают эффекта продления жизни в целом. Факты из области макробиотики получают подтверждение лишь со временем, и поэтому Огеран считал необходимым ждать. За долгожителями, которых он может представить сегодня, тянутся уже не десять, как это было в момент первого объявления, а тридцать лет эксперимента. Мы желали бы подождать ещё десять лет, но если Академии сочтут нынешнюю цифру достаточной, чтобы пересмотреть своё мнение, мой друг Патрис готов оказать им самый радушный приём. Как только они выразят такое желание, он назначит дату и примет их представителей. Это можно опубликовать.

На вопрос о природе полученных результатов, г. Тисмонар ответил:

— Для полной убедительности наши опыты должны были включать и включали не только людей, но и различные виды животных, особенно млекопитающих, поэтапная работа с которыми позволила нам получить сравнительные таблицы, составленные на основе измерения их жизненного ресурса и доказывающие несомненный факт: мы утраиваем продолжительность жизни. Например, грызуны, такие как заяц, крыса или кролик, живущие в среднем четыре года, у нас доживают до двенадцати; быки не вытягивают больше пятнадцати лет, а мы их доводим до тридцати двух или даже, при сохранении девственности, до пятидесяти. Что касается человека как вида, то вряд ли речь может идти о столь значительном пролонгировании. Действительно, сравнение с другими видами через пропорциональный пересчёт длительности трёх периодов роста, за которыми следуют периоды зрелости и старости, показывает, что, половозрелый в шестнадцать лет, человек должен жить до стадесяти-стодвадцатилетнего возраста. Вы знаете, что он столько не выдерживает вопреки прогнозу на момент достижения пубертатности. В пропорциональном пересчёте на других животных он быстрее исчерпывает свой жизненный ресурс. Почему, за счёт чего? Очевидно, за счёт того, что его от них отличает, — будь то душа, как вам скажут идеалисты, или нервная система, как скажут материалисты, — иными словами, за счёт затрат, имеющих отношение к чувственной и интеллектуальной сферам. Соответственно, трёхсотлетние долгожители не являются нашей целью, если только в силу случайности или из любопытства, но мы уверены, что можем легко продлить до сто десятого года полноценную стадию человеческой жизни, то есть период физической и интеллектуальной активности. И не менее легко мы могли бы довести до ста пятидесяти возраст людей со сниженными затратами, а именно, идиотов и девственников, что, откровенно говоря, не является нашей целью, но на эти результаты нас вывела сама природа вещей. Мы не филантропы в том устаревшем смысле слова, какой ему приписывали прошлые поколения. Мы мыслим современными категориями, которые утилитарны, практичны и основаны на социальной экономике. В двадцатом веке нет нужды поддерживать непроизводительных потребителей, недееспособных членов, лишние рты. Мы не возвращаем молодость дрях-

лым, поскольку мы, во-первых, этого не умеем и, во-вторых, этим не занимаемся. Сохранить для общества, для социального взаимодействия здоровые силы, удвоив их или даже утроив, – вот что нам важно, вот над чем мы работаем. Это можно публиковать.

Журналист воспользовался добытым материалом, не преминув дополнить его большим количеством подробностей, никак не следовавших из интервью. Свою публикацию он закончил заявлением, что Академиям и Факультету следует проверить и, как возможное следствие, изменить своё преждевременное суждение от 1922 года по вопросу, представляющему общезначимый интерес. Он вменял им в обязанность просветить как страну, так и весь мир, а также принести, если потребуется, извинения за прошлые ошибки.

Конечно, учёным кругам претила унижительная мысль о запросе аудиенции у независимого деятеля, прервавшего с ними всякие связи, но общественное мнение, ещё за несколько дней до этого не вспоминавшее об изобретателе, круто изменилось. Миллионы людей, ухватившихся за надежду если не на бессмертие, то хотя бы на лишние полвека жизни, настоятельно требовали правды. По улицам Парижа прошли многолюдные шествия. Имели место беспорядки. Кабинет министров направил официальным учёным призыв к действию, равносильный приказу. 22 июля назначенная для изучения вопроса Комиссия в письменном виде известила доктора Огерана о своей готовности посетить его заведение и выслушать сообщение о случаях долгожительства, ставших предметом его наблюдений. Был согласован день визита, и в девять часов утра 24 июля уполномоченные члены Комиссии прибыли на виллу в Нёйи.

II. – Достопамятное заседание

В установленный час 24 июля члены Комиссии, назначенные Академией наук, Академией медицины и Факультетом, стояли перед входом в заведение, которое уже получило широко распространившуюся в народе аббревиатуру КДО, клиника доктора Огерана.

Несмотря на старания учёных сохранить в тайне время их визита в Нёйи, весь Париж его знал. Подходы к вилле были заполнены огромными толпами народа. В первом ряду можно было видеть репортёров с аппаратами автоматической телеграфии. За ними стояли фотографы. Толпа, заметно нервная и нетерпеливая, гудела, но голоса усилились, когда делегаты вышли из автомобилей. Передние ряды недружелюбно качнулись, а из задних, более смелых в силу своей анонимности, раздался враждебный свист.

По правде говоря, вот уже девять дней общественное мнение было настроено против представителей официальной науки, которые оказались перед трудной дилеммой.

— Если и впрямь доктор Огеран открыл тридцать лет назад средство удвоить или даже утроить продолжительность человеческой жизни, вы виновны в том, что из мелочной зависти не дали ему хода и тем самым лишили нас этого блага. Если же, напротив, он лишь мистификатор и фантазёр, вы должны были не дать распространиться обманчивым надеждам, порождаемым в умах его обещаниями. В обоих случаях ваш долг состоит в том, чтобы принять твёрдое решение, а вы уходите от ответа, хотя мы вам платим за знания, которых у вас, оказывается, нет!

За уважаемыми мэтрами закрылись двери. Их сопровождали три представителя прессы, которые должны были телеграфировать новости в процессе заседания. В ответ на бурный интерес публики и в предвкушении общемировой рекламы на гребне происходящих событий, крупные ежедневные издания, установили свои аппараты частотной связи вблизи виллы и у зданий своих редакций, так чтобы здесь, в Нёйи, и там, в Париже, Лондоне, Берлине, толпы могли одновременно читать речь изобретателя и подробности технической дискуссии, высвечиваемые белыми буквами на чёрных экранах. До такого же экрана в Нью-Йорке эти сообщения доходили лишь шестью минутами позже.

Прошло около четверти часа, которая показалась очень долгой. Вдруг головы повернулись на громкий звук электрического звонка и по толпе прошёл шёпот, быстро достигший задних рядов. Один из репортёров поднял руку к экрану и включил приёмное устройство. Обладатели биноклей навели их на экран. Появилось сообщение:

9:45. Встреча на крыльце. Обмен приветствиями. Сухая вежливость. Холодность с обеих сторон. Доктор Огеран держится раскованно, но без высокомерия. Его верный друг Тисмонар стоит от него по левую руку и улыбается с победным видом, внушающим надежду. Членов Комиссии проводят в зал, где полукругом расставлены стулья. Большая комната в строгом холодном стиле. У всех дверей стоят молчаливые служительницы, преграждающие путь внутрь здания. Доктор, прислонившись спиной к старинному камину девятнадцатого века, готовится взять слово для вводных замечаний. Заседание открывается.

Эта первая телеграмма мало на что пролила свет, но фраза, относящаяся к г. Тисмонару, чей торжествующий вид «внушает надежду», вызвала комментарии. Её хватило, чтобы породить пока ещё смутное, но позитивное ожидание подтверждения открытия, которого так сильно желали наблюдатели. Поэтому столь живым и шумным стало через десять минут разочарование, вызванное второй депешей:

Огеран держит речь, излагает свою систему.

— Я не удлиню человеческую жизнь, - говорит он. - Это выражение неточно и во всяком случае антинаучно. Я никогда ничего подобного не заявлял. Было бы безумием пытаться реформировать законы природы. Одного того, что они являются законами, довольно, чтобы признавать их чёткими, логичными, неизменными. Наука должна лишь стремиться их понимать, проникать в тайны их функционирования, пока остающиеся загадкой, и искать наилучшие условия для их использования.

Улица встретила громким свистом эту прамбулу, предвещавшую крушение всех упований. Провал Огерана казался неминуемым – эгоистические расчёты людей во всём мире на продление земного существования, возродившиеся всего неделю назад, во второй раз распались в прах. Глубокое замешательство в Берлине и Нью-Йорке привело к падению котировок на биржах. В Лондоне же, как и в Париже, дружные взрывы смеха прозвучали громче возгласов разочарования.

Профессор Огеран продолжает:

— Жизнь – это непрерывное сопротивление смерти. Но в течение длительного времени бесчисленные особи животных снижали сопротивляемость своего вида, уступая инстинкту, которым злоупотребляли. Можно констатировать, что они добровольно ограничивали продолжительность своей жизни, поскольку её снижение является следствием износа организма. Смерть – это сумма миллионов и миллионов частичных, постепенных смертей, спокойно принимаемых и даже вызываемых живыми существами. Очень немногие животные живут весь отведённый им срок, причём человек заметно выделяется среди них по скорости и интенсивности угасания. Почему? Потому что он злоупотребляет своими силами больше других. Комфорт и относительная безопасность его материального существования позволили до некоторой степени компенсировать ущерб, наносимый им самому себе излишними затратами, но это ослабление вредного эффекта не способно предотвратить все последствия развития порочного процесса. Единственное разумное средство для возврата человека к его максимальной выживаемости состоит в том, чтобы поместить этого нарушителя всех норм в нормальные условия природы, от которой он ныне силится, наоборот, всё больше и больше отдалиться. Но это средство иллюзорно, ибо человечество отказывается от его применения и будет ещё более решительно отказываться по мере роста качества жизни за счёт совершенствования социальной организации. Таким образом, здравый смысл подталкивает нас к выводу, что максимальный срок человеческой жизни, уже в наше время более короткой, чем двадцать тысяч лет назад, будет продолжать сокращаться среди грядущих поколений. А поскольку наиболее логичное лекарство той же логикой отвергается, то вряд ли, господа, нам удастся найти здесь компромисс. Другими словами, если мы не можем помешать непрерывному и беспощадному саморазрушению человека, нам следует пытаться смягчить следствия причин, ведущих к преждевременной смерти.

Новая порция свиста встретила эти теоретические разглагольствования. Кому-то они были непонятны, для кого-то не содержали новизны, но и те, и другие восприняли текст на экранах как признание бессилия или как продолжение блефа, прикрываемого научными терминами. Впрочем, чувства толпы вполне совпали с реакцией высокоучёных членов Комиссии, а именно:

На это доктор В. Летигр не без иронии замечает, что описанная задача есть предмет самой что ни на есть элементарной медицины. Тупоскофф молча встаёт с места, в свойственной ему манере подходит к окну и, глядя в сад, достаёт из кармана часы, чтобы показать, что теряет драгоценное время. Одновременно профессор Аксило направляет свой лорнет в платиновой оправе на потолочную лепнину и нетерпеливо дёргает себя за кустистую бороду. Господин Сигисмон Рикардо, статистик, представляющий Академию моральных и политических наук, пользуется возникшим перерывом, чтобы напомнить, что его предтечи в девятнадцатом веке, несмотря на

эмбриональный уровень развития современной им научной статистики, обнаружили влияние образа жизни на её относительную продолжительность. По его словам, в ту эпоху существовало две категории людей, достигавших преклонных лет: священники и сельские хозяева. И наоборот, художники, писатели, адвокаты, доктора демонстрировали наинизшую сопротивляемость износу организма.

— Эти и другие данные статистики, - подхватывает Летигр, - позволили нашим предшественникам сделать вывод, что, во-первых, излишние затраты нервной энергии в форме как чувственной, так и интеллектуальной, ведут к максимальному истощению ресурса и, во-вторых, пищевая интоксикация, являющаяся непосредственной причиной атеросклероза, запускает процесс ускоренного старения. А потому меньше любите, меньше думайте, меньше ешьте – и доживёте до старости.

В этом выпаде опять чувствуется даже некоторая издёвка. Однако, верный Тисмонар продолжает улыбаться всё с тем же уверенным видом. Огеран отвечает:

— Благодарю вас, господа, за ваши замечания. Они меня самого, можно сказать, омолаживают, ибо возвращают к той точке отсчёта, с которой я веду начало трудов, приведших к моему двойному открытию. Именно о нём я и буду иметь честь доложить вам сегодня.

Во время чтения этих страниц раздосадованная толпа разразилась громкими криками возмущения.

— Довольно!

— Долой Огерана!

— Enough!

— Basta!

— Bravo, Летигр!

— Genug!

— Ура, Тупоскофф!

— Позор Тисмонару!

— Довольно!

Вопли городской толпы достигли зала, где проходило заседание. Академики, чувствуя поддержку общественного мнения, стали проявлять признаки нетерпения. Несколько из них встало, по примеру Тупоскоффа, со своих мест с явным намерением покинуть собрание. Тисмонар, в той же позиции у камина, наблюдал за этим брожением с видимым удовольствием. Пантограмма на экране донесла до толпы эту самоуверенность ближайшего сотрудника Огерана. Возмущённые крики удвоились. Но гневные проявления захлебнулись, так как в этот момент Огеран поднял правую руку, призывая к тишине, и спокойно продолжил свою речь, в то время как толпа читала на чёрном экране следующие строки:

— Господа, - говорит Огеран, - я просто нашёл способ компенсировать ежедневные потери и, тем самым, понизить степень вызываемой ими деградации. Уменьшая количество частичных смертей, я отдаляю их суммарный результат, то есть оконча-

тельную смерть организма. Я уже признался вам, что не удлиняю жизнь. Я, однако, предоставляю ей возможность вернуться к нормальной продолжительности, постепенно падавшей на протяжении веков. При этом я не только отдаляю момент прекращения жизни, но и поддерживаю пациента в дееспособном состоянии в продолжение срока, который колеблется между двумя и тремя нынешними продолжительностями жизни.

Заметное оживление в учёном собрании. Тисмонар с сияющим видом оглядывает присутствующих. Все встают с мест. Обмен репликами, приглушённые голоса. Тупоскофф в центре кружка коллег явственно изрекает:

— Да это издевательство над людьми!

Мрачный Легран-Готье, никогда не проявляющий враждебности к кому бы то ни было, задаёт вопрос:

— Если я правильно понимаю, дорогой коллега, речь идёт о двойном резервировании нервной системы и системы кровообращения?

— Именно так, дорогой коллега, - отвечает Огеран. - Если позволите, мы сейчас приступим к совместному рассмотрению случаев, которые я считаю своим долгом представить вашему вниманию.

Общее движение. Присутствующие проходят в сад вслед за Тисмонаром.

Это сообщение, неожиданно позитивное в сравнении с тоном предшествующих сообщений, поставило публику в тупик. Не насмешка ли это? Если изобретатель, по собственному признанию, не удлиняет жизнь, как же он её удваивает и утраивает? Многие потеряли нить. Другие рассудили, что мэтр пытается, играя словами, запутать оппонентов и вывести их из себя. Третьи находили его манеру выражаться не противоречивой, а вполне адекватной и отражающей глубину мысли учёного. Но большинство, склонное к упрощениям, уловило главный факт: «Огеран утраивает человеческую жизнь!» Новость, как молния, пробежала по бульварам Парижа, Лондона, Берлина, Нью-Йорка.

— Это доказано?

— Ещё нет.

— Сейчас он представляет Комиссии конкретные случаи, над которыми работал последние тридцать лет.

— До полудня всё выяснится.

В букмекерских конторах Лондона и Нью-Йорка ставки за Огерана, только что выглядевшего полностью дискредитированным, пошли вверх и достигли паритета. Мгновенно выросли и биржевые котировки.

III. – Долгожители

На экране появилась третья пантограмма:

10:30. Огеран, похоже, не склонен лично представлять образцы, так что Тисмонар, выполняя роль гида, ведёт Комиссию к зверинцу. По дороге он объясняет, что жи-

вотные с коротким сроком жизни были весьма ценным материалом при разработке препарата и изучении как самого процесса, так и результатов его воздействия, поскольку именно они позволили получить в рамках относительно короткого тридцатилетнего цикла исследований экспериментальное подтверждение утраты продолжительности жизни. Вольеры снабжены специальным оборудованием, обеспечивающим гигиену и покой. Известно, что близость хищников сокращает жизнь потенциальной жертвы по причине затрат нервной энергии, вызванных ощущением опасности. То же относится к самцам, живущим вблизи самок. На клетках можно видеть личную карту обитателя с данными о его родословной, дате рождения, режиме питания, а также сроке жизни, нормальном для этого вида. Вот несколько из них:

Коты: средний срок – 16 лет; достигнутый результат – 32 года; с кастрацией – 46.

Корова: средний срок – 20 лет; достигнутый результат – 52 года.

Бык: средний срок – 15 лет; достигнутый результат – 32 и 34 при ежеквартальной вязке; вол – 45 лет.

Зайцы: 4 года; достигают 12.

Кролики: срок – 4 года; невозможно достичь более 8 (неискоренимая похотливость).

Собаки: средний срок – от 20 до 24 лет; невозможно достичь более 45 (цинизм).

Олень: средний срок – 40 лет; невозможно достичь более 90 (ежегодные избыточные проявления инстинкта размножения).

Крысы: 4 года; достигают 12.

Свиньи: 20 лет; достигнутый результат – 50 лет; могут достичь 60 (пользуются извращённой репутацией; ведут себя гораздо целомудреннее людей этой породы).

Лошадь: срок – 35; достигнуто 60; можно добиться большего.

И т.д. Полный официальный список будет опубликован.

Эта часть пантограммы не вызвала бурных аплодисментов, так как была интересна лишь пожилым старым девам и членам Общества защиты животных, добившегося, впрочем, к 1941 году высокой степени влияния. Что же касается большей части публики, то она не была готова даже к намёкам на уподобление граждан домашнему скоту. К тому же, и это следует отметить особо, явные указания на преимущества целомудрия или даже поддержания не преминули охладить энтузиазм французов. Несколько мужчин громко и весело выразили своё неприятие лечения, требующего столь серьёзных жертв. К ним не постеснялись присоединиться и женские голоса. В ответ на эту критику прозвучали высказывания умеренных умов в том духе, что любой человек может решить для себя, утраивать ли путём лишений своё брэнное существование или удовольствоваться его удвоением, ни в чём себе не отказывая. Такой избирательный подход должен был устроить всех. Однако в Марселе возникло, как обычно, сильное недовольство: улица Канебьер единогласно объявила сам принцип, заложенный в основу подобной медицины, покушением на свободу любви, и тамошние котировки заметно упали на фоне роста на других биржах, в частнос-

ти, в Нью-Йорке и в Лондоне, где всякое начинание по части исправления нравов получает официальную поддержку. Высветилась четвёртая пантограмма:

11:20. Победа! Триумф! Сомнениям больше нет места. Огеран ведёт Комиссию в сторону санатория. Все тридцать три пациента, мужчины и женщины, являются обладателями законно заверенных документов гражданского состояния. При соотнесении свидетельств о рождении с реальным состоянием персонажей возникает ощущение невероятного контраста:

Мсье Леонар Латюд (жених на бракосочетании 14 июля), 71 год, выглядит на 45.

Вдова мадам Матийа (невеста там же), 69 лет, выглядит едва ли на 38.

Маргерит Бульдебуль, 83 года, выглядит на 60.

Мсье Алексис Перло, 76 лет, на вид не больше 50.

Мадемуазель Андреа Фруссотт, 56 лет, выглядит на 30.

Её дочь Жанна, тоже незамужем, в 30 лет выглядит на 22.

И т.д. официальный список будет опубликован.

Члены Комиссии задают вопросы пациентам. Обе девицы Фруссотт подвергаются аускультации. Пациенты-мужчины демонстрируют силу на динамометре. В зале гидротерапии абсолютно голый Алексис Перло поднимает тяжести. Члены Комиссии заметно впечатлены, но сохраняют недоверие, начинающее казаться избыточным. Легран-Готье нарушает, наконец, молчание и в скупых, но категорических выражениях высказывает своё восхищение. Тупоскофф возражает, что представленный набор случаев, хотя и говорящий в пользу системы, пока не может быть интерпретирован как полное научное обоснование. Летигр заявляет о своём удовлетворении увиденным.

Тисмонар замечает, что полученные результаты далеко не исчерпывают возможностей метода, поскольку лечение начало действовать лишь с момента, когда пациенты начали его принимать. Учёные сдержанно смеются.

— Мы занимаемся не омоложением, а поддержанием возраста, так что пятидесятилетние остались пятидесятилетними. Пациент, подвергшийся лечению начиная с тридцатилетнего возраста, сохранил бы на полвека расцвет сил во всех мыслимых проявлениях.

Тупоскофф спрашивает, является ли воздержание необходимым требованием для эффективности лечения. Тисмонар успокаивает его в следующих выражениях:

— Абсолютное целомудрие противоречит природе, и поэтому мы не только его не предлагаем, но и не предполагаем, что оно необходимо или, тем более, обязательно. Требуется лишь чувство меры: в этом, как и во всём остальном, in medio stat virtus, место добродетели – середина.

— Самая середина?

— Нет, разумная середина.

Вот уже несколько минут, как в настрое собрания произошла явная разрядка. Неожиданно Гронерр, знаменитый профессор, до сих не подававший никаких знаков

одобрения или осуждения, берёт слово и с многозначительным видом обращается к собранию.

— В интересах науки, - говорит он, - я готов персонально подвергнуться риску лечения.

— Многоуважаемый мэтр, - отвечает Тисмонар, - этот героизм, пусть запоздалый, вам зачтётся.

Реплика вызвала лукавые комментарии. Действительно, всем известно, что профессор Гронерр достигнет в 1942 году пенсионного возраста и несколько кандидатов уже начали интриговать вокруг его предстоящего отхода от дел, так что перспектива сохранения им занимаемых должностей породила бы немало недовольных среди учёной братии.

Начало этой пантограммы глубоко всколыхнуло массы, но её конец был принят с одобрением, направленным против журналиста, который по собственному произволу привнёс детали частного характера в обсуждение вопроса, представляющего всеобщий интерес. Такого рода отступление от серьёзной темы было сочтено неуместным и не соответствующим важности момента.

— Кого волнуют эгоистические расчёты отдельных индивидуумов, когда решаются судьбы человечества?

Никому и в голову не пришло, какое значение приобретут в дальнейшем последние две фразы, произнесённые г. Гронерром и г. Тисмонаром, да и сами они не догадывались, какому грозному конфликту только что положили начало. Миру лишь предстояло осознать социальную значимость проблемы, неожиданно возникшей перед ним. В тот момент, однако, радостное оживление вытеснило все прочие соображения, так как пантограмма, полученная в 11:20, не оставляла сомнений в том, что вопрос получил принципиальное разрешение. Доктор Огеран и с ним всё человечество одержали победу. Ещё через полчаса во всех странах земли было опубликовано следующее извещение:

Человеческая жизнь продлена!

В полдень биржа зарегистрировала рекордный за полвека рост котировок. На другой стороне планеты новость, поступившая глубокой ночью, но с нетерпением ожидаемая, была встречена ликованием и спонтанными феерверками. Следующая пантограмма описывала последнее мероприятие дня – посещение Комиссией лаборатории:

Изобретатель представляет два эликсира. Режим приёма очень прост: раз в неделю три капли в стакане воды натощак. Стоимость производства близка к нулю: 1,20 фр. за литр эликсира. Господин Сигисмон Рикардо из Академии моральных наук делает мгновенный подсчёт: при весе капли в пять сантиграмм и расходе в 156 капель в год на человека одного литра достаточно для годового курса лечения 128 пациентов, при этом расходы каждого из них составят 0,10 фр. в год.